

Она моргнула:

— А бабушка Сяо Цюаня не поедет?

— Сяо Цюань останется дома с дедушкой и бабушкой. Если мы возьмем его с собой, у нас не будет времени за ним присматривать.

— В принципе, это возможно, но придется обсуждать оплату. Как-то неловко, ведь это испортит наши отношения. — Хотя речь шла о немалой сумме, ей было совестно брать деньги.

— Нет-нет, это обязательно. Ты отрываешься от дел в поле, и в итоге ваша семья соберет меньше урожая. Платить за работу — это справедливо.

Она помедлила:

— Подожди меня здесь, я схожу спрошу, что они думают.

— Хорошо, хорошо.

Муж Ван Го был неподалеку. Она подбежала к нему, они долго о чем-то говорили. Затем она вернулась, дошла до другого участка, чтобы посоветоваться со свекром и свекровью, и, сделав круг, вернулась обратно, тяжело дыша:

— Решено. Но не нужно платить мне так много. И когда нужно ехать?

— Оплату определила твоя сестра, я не буду менять её решение. Отправляемся завтра рано утром, так что выезжать нужно уже сегодня вечером.

Чем больше срок, тем труднее передвигаться.

— А, это сестра сказала? Ну ладно, я потом с ней поговорю. Только... только вот что: мы еще не разделили хозяйство. Если ты будешь кому-то говорить, скажи, что мне платят пятнадцать юаней в месяц, хорошо? — Сестра хочет ей помочь, но не возникнет ли у зятя претензий?

Чжоу Хэн на мгновение опешил, а затем кивнул:

— Конечно.

Пока хозяйство общее, все заработанные деньги нужно отдавать старшим, и её нежелание делать это было вполне понятно.

Он не отдавал все свои заработки дяде Ли-второму и тетушке Лю лишь потому, что их ситуация была иной, но даже так он ежемесячно выделял им часть на содержание.

— Тогда иди домой, я поем и приду, мне еще нужно собрать вещи.

— Договорились.

Он вложил ей в руку леденец и пошел обратно.

Закончив работу, Ван Го тщательно умылась, поужинала, и муж отвез её к дому сестры. Переночевав в гостиной, на рассвете, перекусив на скорую руку, муж ушел домой — ему нужно было на работу, нельзя было терять время.

Они неспешно доехали на воловьей повозке до поселка, а там пересели на автобус до города.

Когда они наконец устроились, было уже за два часа дня. В дороге они лишь перекусили яйцом, чтобы хоть немного утолить голод. Ван Го открыла кадку с рисом — там был рис и несколько пачек лапши. Заглянула на плиту: масло, соль, уксус, соевый соус и чай — всё было в наличии.

Она достала две порции лапши, помыла принесенную с собой зелень, добавила яйца и сварила суп.

Лапша из чистой пшеничной муки казалась ей роскошью, поэтому она побоялась положить много, и Чжоу Хэн поел лишь слегка, чтобы заморить червячка.

Ван Го была не виновата, но Ван Юэ видела, что Чжоу Хэн остался голодным, и, отойдя в сторону, шепнула сестре пару слов.

Затем Ван Го занялась разбором вещей: они привезли яйца, зелень, сушеные овощи. Она разложила всё по местам и принялась за уборку.

Чжоу Хэн до этого прибрался лишь поверхностно, чтобы было терпимо, но для мастерицы домашнего уюта здесь было к чему приложить руки.

Ван Юэ, будучи на большом сроке, чувствовала, как тяжело дается поздний этап беременности — гораздо труднее, чем когда она носила Сяо Цюаня, да и живот стал намного больше. Поев горячей лапши, она ушла отдыхать в комнату.

Пока она отдыхала, Ван Го приводила в порядок другую комнату, где собиралась жить сама, попутно составляя список недостающих вещей. Чжоу Хэн прогулялся, записал всё, что нужно докупить, и помог с уборкой.

Когда Ван Юэ проснулась, они вместе отправились в больницу на осмотр.

Они попали к тому же пожилому врачу, что осматривал Ван Юэ в прошлый раз. Результаты оказались хорошими, и доктор посоветовал продолжать в том же духе. Чжоу Хэн попросил составить меню, чтобы они могли поддерживать здоровье с помощью питания.

Врач написал рекомендации. Узнав, что достаток семьи позволяет, он включил в список более дорогие продукты, такие как куриный бульон и свиные кости.

Если бы семья была бедной, он бы не стал этого делать, чтобы не ставить людей в неловкое положение.

Глядя на заботу зятя, Ван Го тихонько шепнула сестре:

— Сестра, зять к тебе так хорошо относится.

Когда она сама рожала, такого отношения не было.

Впрочем, ожидать иного было сложно: условия в доме были такими, какими были, хозяйство не разделено, а её муж — средний сын, ни на кого не опирающийся. Когда она выходила замуж, у свекра со свекровью уже было двое внуков, а когда она забеременела, внуков стало еще больше, и к ней уже не относились с таким вниманием.

Видя счастье сестры, она испытала легкую зависть, но больше радовалась за неё.

Старшая сестра так много трудилась ради них! После внезапной смерти родителей именно она, самая старшая, взвалила всё на свои плечи. Если бы не её трудолюбие, неизвестно, сколько братьев и сестер смогли бы выжить.

Ван Юэ улыбнулась, не сказав ни слова, но её лицо словно светилось изнутри. Она выглядела такой счастливой, что Чжоу Хэн залюбовался: такой образ нежной и довольной женщины был очень красив.

Сейчас во всех важных делах Ван Юэ слушалась Чжоу Хэна.

До того как его усыновили в семью, почти все решения принимала она, но после того как он начал зарабатывать и обеспечивать семью, он обрел уверенность. Хотя домом по-прежнему управляла она, в принципиальных вопросах Чжоу Хэн проявлял твердость. Он говорил, что советуется с ней, но на деле просто ставил перед фактом. Однако такая властность её не раздражала — она знала, что он делает это ради неё. Сама бы она пожалела денег на такие расходы.

Забрав список, Чжоу Хэн проводил их до арендованного жилья и ушел. У него был список покупок, к тому же он заглянул на пункт приема вторсырья, чтобы поискать что-то полезное. И действительно, нашел несколько шатающихся табуреток — их можно было подлатать, а долго им здесь жить всё равно не придется, сойдет и так.

Когда Ван Го увидела, сколько всего он купил, она была поражена. Они собирались прожить здесь всего месяц, а он накупил всего, будто собрался жить вечно — как потом всё это везти обратно?

Чжоу Хэн считал, что это как раз запас на месяц, а если не хватит — докупят. Но для привыкшей к экономии Ван Го этого количества хватило бы надолго.

— Я купил глиняный горшок, будем варить в нем супы. Видел ребра, тоже взял. Всё, что врач прописал, я купил, сестренка, ты посмотри и положи всё в горшок, пусть варится.

Ван Го была грамотной: в свое время старшая сестра успела поучиться в средней школе, а когда случилась беда, вернулась домой работать, но всех младших она успела немного обучить. Ван Го кивнула:

— Хорошо.

Пока возились, стемнело. Поужинав, Ван Юэ легла в постель, но ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть.

Первым делом он отправился не в столицу, а в городок из своих воспоминаний. Несколько раз пересаживаясь, он добрался до поселка, где вырос, нашел знакомую улицу, увидел людей — кого-то узнал, кто-то был чужим. Он подошел к месту, где стоял его дом, но это был не его дом. Здесь не было его родителей, не было семьи Чжоу. Он расспрашивал соседей, не искала ли их семья по фамилии Чжоу, но все только качали головами. Чжоу Хэн почувствовал разочарование, хотя это было предсказуемо — ведь это параллельный мир, где малейшее различие приводит к колоссальным последствиям.

Здесь не было его родителей, но сам городок остался прежним. Он с тоской прошелся по улицам, где провел детство. Когда он вырос, городок изменился до неузнаваемости, но в памяти он не был таким обветшалым.

Здесь он продал немного модной одежды — немного, но она пользовалась спросом, что придало ему уверенности. Раньше он никогда таким не занимался, это был его первый раз.

В столице многие носили модную одежду, делали стильные завивки, на каждом углу стояли лоточки.

Он нашел торговую улицу, разузнал цены, расстелил на земле грубую ткань и начал торговлю.

У него были самые модные модели: расклешенные брюки, темные очки, наручные часы, кассеты. Это были редкие товары, стоили дорого, но многие не могли устоять и, стиснув зубы, покупали — для себя или в подарок.

За два дня всё было распродано.

Он видел иностранцев и очень хотел заговорить с ними, предложить помощь, чтобы обменять валютные сертификаты — только с ними можно было покупать товары в магазинах Дружба. Но он не мог объяснить, откуда знает английский, ведь оригинал учился лишь во втором классе, а потом мачеха заставила его бросить школу. Если бы кто-то начал копать, его могли принять за шпиона. И он отказался от этой идеи.

Затем он отправился на юг в грохочущем поезде. Ехать пришлось долго, билетов в спальный вагон не было, пришлось сидеть. От долгого сидения всё затекало, спать приходилось скрючившись, но он терпел.

Из-за разницы в регионах товары, которые были в одном месте, но отсутствовали в другом, ценились высоко: южные апельсины и бананы были нарасхват на севере, а северные яблоки — на юге.

Его Пространство было небольшим, но для мелких вещей хватало. С помощью Пространства и больших тюков он перепродавал электронику и одежду, быстро накапливая капитал. Через месяц у него было уже более трех тысяч юаней.

Денег было много, но и устал он не на шутку. Весь месяц он хорошо питался, но ни на грамм не поправился. Он решил сделать перерыв — постоянные поездки между особыми экономическими зонами, Шанхаем и столицей вымотали бы и железного человека.

Когда он вернулся, изможденный, но с кучей сумок, Ван Юэ даже не взглянула на товары, а сразу начала охать и ахать, жалея мужа. Тетушка Лю тут же зарезала старую курицу, и никакие уговоры Чжоу Хэна не помогали.

— Здоровье — основа всего. Нужно зарабатывать, но и себя беречь.

— Сначала доедим мясо, а потом режьте, иначе оно испортится, — сказал он, принеся три-четыре фунта мяса.

Увидев столько мяса, тетушка Лю отложила нож, но принялась ворчать, что он не умеет вести хозяйство — зачем покупать так много?

— Как же много? Мяса много не бывает.

У него были свои планы:

— Папа, может, отдадим половину старшему дяде? Он нам очень помог.

Если бы не он, усыновление прошло бы не так гладко, да и Ли Ши он помогал не раз.

Дядя Ли-второй кивнул:

— Конечно, конечно.

Тетушка Лю ловко отрезала половину и пошла относить, но схитрила: выбрала кусок попостнее.

Чжоу Хэн лишь усмехнулся: сейчас все считали, что жирное мясо — самое лучшее, потому что в нем есть жир, а постное — сухое и невкусное. Всё наоборот по сравнению с будущим.

Раньше он не любил жирное, но после месяца на пустой крупе он теперь обожал свиную грудинку, в которой было поровну сала и мяса.

В поездках он себя не ограничивал, ел мясо почти каждый день, и хотя оставался худым, лицо заметно посвежело — по крайней мере, исчезла болезненная желтизна.

Чжоу Хэн не считал нужным рассказывать, что стал индивидуальным предпринимателем, и продолжал притворяться, что работает на других. Он знал, что в будущем государство разрешит частную торговлю, но Ван Юэ и остальные об этом не знали и начали бы переживать.

Ван Юэ спрашивала, нельзя ли позвать младшего брата на помощь, но Чжоу Хэн отвечал, что время еще не пришло.

Когда прошли новогодние праздники, Сяо Цюаню исполнилось четыре года, а близнецам — два.

Ли Цзяо было пятнадцать. Когда Чжоу Хэн вернулся, Ван Юэ рассказала:

— Мать уже нашла ей жениха. Весь поселок знает, всё почти решено. Жених — продавец в поселковом магазине. Она так его расхваливала, а по мне — ничего особенного.

В то время люди с городской пропиской и государственной работой всегда пользовались особым спросом.

— Ты его видела?

— Видела, когда они приходили обедать. Ростом он ниже тебя, где-то метр шестьдесят, лицом тоже проигрывает. Зато родители — оба рабочие, есть младшие брат и сестра, брат тоже на госслужбе, семья зажиточная.

— Теперь, наверное, редко к нам заходят?

— ...Каждый вечер как по часам. Сидят до самого выключения телевизора. Раньше она ворчала, а теперь только и делает, что хвалит зятя, — Ван Юэ только плечами пожала.

Чжоу Хэн не понимал их образа мыслей. Если бы это была его дочь, он бы ни за что не выдал её замуж так рано. Но Ли Цзяо была дочерью мачехи, которая когда-то издевалась над

оригиналом. Если бы он начал давать советы, это сочли бы за зависть к чужому счастью.

— Сяо Кан и Сяо Мао хорошо себя вели?

— Дети как дети. Почему ты не спрашиваешь про Сяо Цюаня?

— Я видел его, он с бабушкой был на огороде, подрос.

— Прибавил больше фунта с прошлого взвешивания. — Только услышав это, Ван Юэ осталась довольна. Отец не должен быть предвзятым, ни к старшим, ни к младшим.

...

Вскоре помолвка Ли Цзяо была оформлена. Жениху, Гао Чаншэну, было двадцать лет. После этого жена Ли Фэна перестала приходить — срок у неё был большой, ходить было тяжело, да и всю семью вместе с собой она больше не таскала.

Свадьбу сыграли быстро, и через два месяца Ли Цзяо, одетая в новое платье, переехала к мужу. Говорили, что платье купил жених, а еще в качестве выкупа он дал сто восемьдесят юаней, часы и велосипед.

Сторона невесты подготовила четыре одеяла и сто юаней наличными.

Чэнь Фан, хоть и любила сына больше дочери, всё же не могла совсем забыть о ней. Часы и велосипед дочь забрала с собой, а из ста юаней выкупа она взяла восемьдесят на приданое, а двадцать отдала дочери на карманные расходы. Выходило, что она не заработала на свадьбе, а, наоборот, потратилась.

Когда Ли Цзяо ушла, Чэнь Фан, глядя телевизор, постоянно твердила:

— У моей дочери тоже есть телевизор, купили в прошлом году, и больше нашего, четырнадцать дюймов...

Тетушка Лю не выдержала:

— Если не замолчишь, уходи! Не мешай смотреть, из-за тебя ничего не слышно.

— И правда, мы телевизор смотрим, а не твои хвастовства слушаем.

Перед лицом общего негодования Чэнь Фан пришлось умолкнуть.

В этот приезд Чжоу Хэн узнал, что Ли Ши получил аттестат средней школы. Оригинал закончил лишь два класса, но после рождения детей Чжоу Хэн купил учебники. Возвращаясь, он читал их сам и заставлял Ван Лэ учиться, объясняя, что мир меняется слишком быстро, нужно развиваться, да и с образованием к человеку относятся иначе.

Людей с образованием уважали.

Ван Юэ бросила школу в первом классе средней школы, когда в семье случилась беда, но база у неё была, и вспомнить пройденное оказалось несложно. Полистав учебники, она с удивлением поняла, что её муж — скрытый гений. Он самостоятельно выучил всё и теперь мог давать ей советы. Не зря он получил аттестат!

Чжоу Хэн поделился своими планами: во второй половине года переехать в город, чтобы Сяо

Цюань пошел в детский сад. В деревне о садиках даже не слышали — детей просто пускали на самотек, пока не придет время идти в начальную школу.

Когда Чжоу Хэн рассказал, что в городе дети рабочих ходят в садики, с ранних лет учатся, лучше усваивают программу и имеют больше шансов поступить в университет, Ван Юэ не могла не загореться этой мечтой.

— Папа, мама? Сяо Цюань? Как вы здесь оказались? — Чжоу Хэн был поражен, увидев их. Заметив красный нос и опухшие глаза Сяо Цюаня, он догадался, что произошло.

— Ох, история долгая. Сяо Цюань никогда не расставался с мамой. Первый день было еще ничего, а потом как начал плакать — голос сорвал, и всё кричит: хочу к маме! Мы не выдержали и привезли его к вам.

Тетушка Лю тяжело вздохнула. Раньше они и не знали, что внук такой привязчивый.

Чжоу Хэн почувствовал укол в сердце. Забрав у дяди Ли-второго узел с вещами, он сказал:

— Идемте. Сяо Цюань, мама совсем рядом, не плачь. Она тоже очень по тебе скучала, я ей много раз говорил.

— Мама! — Услышав, что мама рядом, Сяо Цюань вытянул шею.

— Сюда, идемте сюда. — Когда они вошли в дом и Сяо Цюань увидел Ван Юэ, он заерзал на руках у тетушки Лю, закричал: — Мама! Мама! — и бросился к ней, обхватив за ноги и заливаясь слезами. Слушая этот хриплый плач, Ван Юэ едва не расплакалась сама.

— Ой, Сяо Цюань, что случилось? Не плачь, ну всё, всё, мама здесь. — Ей было трудно наклониться, поэтому она, сидя на табуретке, гладила его по спине, успокаивая.

После долгих уговоров он наконец перестал плакать. Одной рукой он сжимал печенье, другой — ногу матери, не желая отпускать.

Чжоу Хэн считал, что такая привязанность к матери — не очень хорошо, но сейчас у него не хватило духу быть строгим. Он решил, что воспитает в нем самостоятельность, когда тот подрастет, а пока он еще слишком мал.

— Папа, мама, вы устали с дороги. Проголодались? Поешьте чего-нибудь и отдохните.

<http://bllate.org/book/21637/2232688>